

Гарри поморщился. Он был рад, что большую часть времени будет работать с Диком. Всё складывалось гораздо хуже, чем в десять лет. Однажды она заставила его вычистить кошачью шерсть с обивки, а он вместо этого засовывал антимакасары в пылесос. Это был эффективный способ избежать уборки, но он не знал, как избежать работы в саду или чистки кошачьих ящиков. После душа Гарри отправился в свою спальню и быстро оделся для работы. Он также написал записку Сириусу, рассказав о сне, где Волан-де-Морт находит своего наследника. Гарри остановился, уставившись в пространство. Ему показались странными две вещи: во-первых, Волан-де-Морт действовал днём, а во-вторых, они, похоже, были одни. Если там и были другие Пожиратели смерти, он их не заметил. — Кто-нибудь ещё знает, кто наследник? — размышлял он. — Если я вспомню, буду ли я единственным? Он отослал Буклю с письмом для Сириуса и короткой запиской для Гермионы. В ней он предупредил её и Рона, что поздравления с днём рождения и остальные письма должны доставляться к миссис Фигг британской почтой. Он не хотел, чтобы у неё случился приступ, когда 31 июля к её дому прилетят несколько сов. Для Гермионы это не было бы проблемой, но он помнил, как миссис Уизли однажды отправила письмо Дурслям, испещрённое марками, что заставило почтальона прийти и спросить, кто мог совершить такую ошибку. Дядя Вернон пришёл в ярость, беспокоясь, что почтальон может подумать, будто они с тётей Гарри в чём-то необычны. Они стремились быть воплощением нормальности и не позволяли никому разрушить эту иллюзию. Гарри сел за стол, чтобы ещё раз перечитать последнее письмо от Гермионы: Дорогой Гарри, Я знаю, что писала тебе позавчера, но это было не о том, чем я занимаюсь на самом деле, поэтому хочу написать тебе снова. Надеюсь, ты не будешь против, что это письмо не столь описательно. Гарри усмехнулся. В другом письме она описывала, что хочет сделать с ним в следующий раз, когда они будут наедине. Он ответил, что благополучно вернулся домой, но Сэнди его бросила, и Букля вернулась с этим письмом посреди ночи. Прочитав записку, он принял холодный душ в два часа ночи. — Сириус бегаёт со мной по утрам, в собачьей форме. Большую часть дня он сидит в виде собаки в холле хирургии. Мама и папа принимают только тех, кто приходил к ним раньше, никого нового. Сириус взял с собой несколько детекторов тёмной магии. Ни один не сработал, но вчера он не пустил в операционную одного человека — зарычал, и тот убежал. Я сидела в холле и читала. Вышла мама, интересуясь, где я провела два часа, и я рассказала ей, что сделал Сириус, надеясь, что она не будет сердиться. Она удивила меня тем, что рассмеялась и сказала, что ей всё равно, если он никогда не вернётся. Оказывается, он вел себя глупо, когда был на веселящем газе, и пытался прикоснуться к её маме так, как может делать только её отец. Я была в шоке! Подумать только, кто-то пристаёт к её маме! Не то чтобы мама не выглядела хорошо. Вы понимаете, о чём я. Вспомните "Пансиву". В общем, вчера она была рада Сириусу. За ужином (значит, он не собака) она спросила, почему он так сделал. Он сказал, что просто не доверял этому человеку, что-то вызывало у него тревогу. Собачий инстинкт. Он извинился, но мама запретила ему это делать. — Хорошо подмечено! — сказала она, смеясь. Сириус ходит на встречи с другими оперативниками по ночам. Мы в полной безопасности благодаря заклинаниям, защищающим дом. Мы не можем наложить те же чары на операционную, так как это общественное место. Обычно я не бываю в операционной; у нас есть внутренний дворик в центре дома, где я читаю и загораю. Если пасмурно, я иду посмотреть, как дела у мамы и папы. Я так скучала по ним весь прошлый год. И я скучаю по тебе! Прошлой ночью ты мне приснился. На тебе был килт, и только килт... Гарри усмехнулся, продолжая читать дальше. Это письмо было не таким "описательным", как предыдущее. Он не стал дочитывать до конца — недавно вышел из душа, и на другое у него не было времени. Сложив письмо, он засунул его поглубже в карман. Он взял со стола другое письмо. Как и в прошлом году, оно пришло вскоре после его возвращения домой. Оно было от МакГонагалл, которая приветствовала его в сентябре как префекта шестого курса. В письме также сообщалось, что Лиам Квирк будет старостой, а Чжоу Чанг — старостой. Гарри был рад за неё. Они проголосовали на последнем собрании префектов, где присутствовали и сотрудники, так как им тоже предстояло участвовать в голосовании.

Гермиона хотела, чтобы победила Кэти, ведь она была из Гриффиндора, а Гарри не сказал ей, что проголосовал за Чо. Он надеялся, что его голос не стал решающим для Кэти. Никто из них не узнал, кто победил, пока не получили письма. В большинстве случаев шесть префектов от каждого дома голосовали за своих (шестикурсники, разумеется, голосовали за себя), а старосты домов, как правило, поддерживали членов своего дома, так что на самом деле всё решали другие сотрудники. Он подозревал, что большинство педагогов всё равно проголосуют за Чо, поэтому его голос скорее всего не имел значения, но ему всё равно захотелось его отдать. Конечно, он не мог и представить, что многие учителя проголосуют за шестикурсницу из Слизерина Регину, не говоря уже о Элоизе Мидген из Пуффендуя. Гарри прочитал письмо дальше, где были перечислены новые префекты пятого курса. Под Гриффиндором значились Энтони Перуджа и Вирджиния Уизли. Он усмехнулся. Должно быть, МакГонагалл оправились после трюка с подземельем Зельеварения. У Джинни действительно были лучшие оценки. И Гарри ничуть не удивился по поводу Тони. Он был бы потрясён, если бы это был Кóлин Крив, который сбился с пути, отправляясь на уроки. Возможно, Тони присоединится к ним в команде по квиддичу, а также к Зоуи Рассел, одной из соседок Джинни по комнате. Гарри с нетерпением ждал возможности познакомиться с некоторыми учениками из года Джинни поближе. Он убрал письмо в стол — не было никакой необходимости его брать. Он окинул взглядом свою пустую комнату: он не увидит её ещё целый год. Его тётя и дядя отказались от идеи поездки в Португалию после Дюнкерка. Вместо этого они собирались отправиться в круиз на корабле, где можно было брать с собой собак. Сначала их маршрут лежал на Нормандские острова, затем на Азорские, вдоль испанского побережья, через Гибралтар и вокруг Средиземного моря. Каждый раз, когда они заходили в порт, Дюнкерк оставался на борту, пока все сходили на берег. Гарри чувствовал, что тетя Петунья не будет часто покидать корабль. Он пришел на кухню в тот момент, когда дядя уплетал яичницу, а тетя разогревала сосиски. Маленький пёс уже сидел за столом и с нетерпением смотрел на свою пустую тарелку. Гарри быстро схватил тост — собака рычала, как только он протягивал к ней руку. Он надеялся, что еда Дюнкерка скоро будет готова, иначе тот мог принять один из пальцев Гарри за сосиску. Они ели молча, никто не упоминал о том крике, который устроил Гарри в гостиной. Он сам пытался выкинуть это из головы, но воспоминания лишь становились настойчивее. Тетя и дядя удивляли его: казалось, что если не смотреть на магию и не думать о ней, она просто исчезнет. Он быстро закончил и встал, собираясь уйти. — Ну что ж, — неловко вымолвил он. — Счастливого пути. Дядя лишь хмыкнул в ответ, не признав слов Гарри. Тетя, видно, решила воспользоваться моментом, чтобы поиздеваться над ним. — Будь полезен миссис Фигг и не забудь по выходным приходить, чтобы ухаживать за нашим садом. Не хочу возвращаться домой и видеть там джунгли! А что бы ты ни делал... — Не делать того, что мне не положено за пределами школы. Да, да, я знаю, знаю, — произнес он, хотя не смог сказать: "Я не буду заниматься магией". В их глазах это было бы так же плохо, как и заниматься ею. Он был рад, что они не видели его в форме Анимагуса раньше. — Не смейте так говорить о миссис Фигг. И не вздумай отправлять эту сову... — Я уже отправил. Сегодня утром я написал своему крестному и попросил позаботиться о Букле до конца лета. Он может прислать её ко мне в школу. Но, кажется, их это снова не заинтересовало. — До свидания, я ухожу на работу, — сказал он и, не дождавшись ответа, вышел за дверь. Он всё ещё смотрел на них, надеясь увидеть хоть какое-то признание того, что он уходит. Но, не успев сказать больше, закрыл дверь. Наверняка, не стоило ожидать перемен, даже после происшествия с Дадли. Жизнь продолжалась в доме номер четыре на Тисовой улице.